

Социодинамический потенциал идеологических пространств

В статье рассматривается процесс формирования идеологических пространств в условиях конкурентной демократии. Выделены основные структурные характеристики идеологических пространств, проанализирована их связь с институциональными, социальными и ценностными конфликтами. Разработана модель идеологического пространства, трактуемого как пересечение многомерных ценностно-конфликтных пространств с одномерным институциональным политическим пространством. Предложена типология идеологических пространств. Рассмотрена гипотеза о зависимости социально-политической динамики от структуры идеологического пространства. На основании данного анализа делается вывод о возможности целенаправленной идеологической инженерии.

Ключевые слова: идеология, политическое пространство, политические ценности, социальная динамика, сменяемость власти, идеологическая инженерия.

Изучение идеологических пространств в последние полвека превратилось в довольно популярное ответвление теории рационального выбора. В русле этой методологической традиции идеологическое пространство обычно интерпретируется либо как эквивалент электорального пространства, либо в качестве когнитивного инструмента для описания психологического механизма поведения абстрактного «рационально мыслящего» избирателя.¹ Между тем, с нашей точки зрения, анализ

---

¹См. *Owen G., Shapley L.* Optimal location of candidates in ideological space. // *International Journal of Game Theory*, 1989, Volume 18, Number 3, P.339-356; *Middendorp C.* Left-Right Self-Identification and (Post)materialism in the Ideological Space. // *Electoral Studies*, 1992, Volume 11, Number 3, P.249-260; *Markowski* Гончаров В.Э. Социодинамический потенциал идеологических пространств. // Учёные записки.

конфигурации идеологических пространств и стратегий маневрирования политических субъектов в этих пространствах может стать ключевым элементом в создании нормативной модели социально-политической динамики.

Говоря по существу, термин «пространство» в применении к миру конкурентной политики представляет собой не более чем исторически сложившуюся метафору, основная ценность которой состоит в её интуитивной очевидности. Основоположник теории рационального выбора Энтони Даунс, предложивший рассматривать американскую электоральную политику в одномерном пространстве право-левого континуума,² опирался на полуторавековую традицию, берущую начало в эпохе Великой Французской революции конца XVIII века, когда радикальные революционеры заняли левые скамьи в зале французского парламента, а сторонники монархии – правые.

Но в исходном пункте формирования этой традиции обнаруживается элемент, который выпал из поля внимания многих последующих интерпретаторов. У Томаса Карлейля мы находим следующее описание этого поворотного пункта: «Намечаются зачатки системы, зачатки партий. Образовываются Правая сторона (Cote Droit) и Левая сторона (Cote Gauche): депутаты, сидящие по правую руку от председателя и сидящие по левую руку; правая - консервативная, левая – разрушительная».³ Таким образом, право-левая политическая горизонталь возникает при взгляде «сверху». Иначе говоря, вертикаль власти с самого начала включена в исходную

R. Political parties and ideological spaces in East Central Europe. // *Communist and Post-Communist Studies*, September 1997, Volume 30, Issue 3, P. 221-254.

² *Downs A.* An Economic Theory of Democracy. – New York: Harper and Row, 1957.

³ *Карлейль Т.* История Французской революции. - М.: Мысль, 1991, С.142-143.

структуру политического размежевания. Более того, содержательное наполнение политического конфликта между левыми и правыми, очевидным образом, связано с существующим порядком властных отношений, который правые стремятся законсервировать, а левые – разрушить.

Таким образом, мы получаем базовое измерение политического пространства, которое в дальнейшем будем называть институциональным. Избранные народом представители, вообще говоря, могут обсуждать любые вопросы, и выбрать любой повод для размежеваний. Но так уж получается, что обсуждают парламентарии, главным образом, вопрос о том, кто из них более достоин руководить страной. Этот вопрос всегда явно или подспудно присутствует в политической повестке дня. Вопросы, связанные с содержанием политических курсов, могут быть сколь угодно разнообразны, но вне связи с вопросом о власти, их обсуждение для практических политиков утрачивает смысл. Однако конкурентные выборы при всеобщем избирательном праве вынуждают политиков обращаться за поддержкой к рядовым гражданам. Для обычных граждан вопрос о власти не столь интересен, они живут в мире, где социальные группы конфликтуют друг с другом по вопросу распределения дефицитных ресурсов, выражая свои требования на языке политических ценностей.

В XIX веке к левым относили сторонников перемен в противовес сторонникам сложившегося порядка и традиции, называемых правыми. При этом на протяжении жизни одного поколения представления о сущности порядка и традиций могли меняться настолько сильно, что вчерашние левые (сторонники перемен), претворив свои планы в жизнь, естественным образом, превращались в правых, защищавших недавно установившийся порядок от притязаний следующих поколений радикальных реформаторов и революционеров.

Конвенциональный характер лево-правого разделения и его обусловленность историко-культурным контекстом в ту эпоху не вызвали сомнений. Однако в конце XIX века политическая «левизна» стала ассоциироваться в европейском идеологическом дискурсе, главным образом, с приверженностью социалистическим взглядам, среди которых центральное место занимала идея государственного контроля над экономикой для обеспечения имущественного равенства и высоких социальных гарантий для наёмных работников. Отталкиваясь от новой, уже социалистической «левизны», претерпела изменения и концепция «правой» политики. Наряду с отстаиванием приоритета порядка и традиции, правые были вынуждены защищать принципы рыночной экономики от посягательств со стороны социалистов.

Тем самым, правый и левый векторы одномерного континуума начали наполняться стабильным содержанием, связанным с конфликтом между наёмными тружениками и работодателями. Обе стороны конфликта опирались на идейные доктрины, стержнем и знаменем которых выступали политические ценности, такие как свобода у либералов, и справедливость у социалистов. Таким образом, лево-правый континуум стал восприниматься в качестве шкалы оценки масштабов государственного вмешательства в экономику (от минимума у либертарианцев, находящихся на крайне правом фланге, до максимума у коммунистов, стоящих на крайне левых позициях). Приоритет экономики над прочими возможными основаниями политических конфликтов нашёл выражение в чеканной ленинской формуле: «Политика есть концентрированное выражение экономики».⁴

---

⁴ Ленин В.И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина. / Полное собрание соч., 5 изд. - М.: Политиздат, 1972, Т. 42. С. 278.

Однако на практике политический конфликт крайне редко сводился исключительно к экономическому измерению, и во многих случаях одномерный право-левый континуум не вмещал в себя многообразия реальной политической борьбы. Наиболее очевидным образом ограниченность право-левой шкалы продемонстрировал рост фашистских движений в Европе первой половины XX века. Так германские национал-социалисты оказались не на левом фланге политического спектра, как можно было предположить, исходя из названия партии, а совсем наоборот – получили ярлык «крайне правых».

В XX веке политика всё плотнее наполняется ценностно-конфликтным содержанием. Складывается многомерное ценностно-конфликтное пространство, поскольку самые разные группы, от религиозных фундаменталистов до феминисток и экологов формулируют программы действий, выполнить которые под силу только государственной власти. Никуда не исчезают при этом структурные конфликты между трудом и капиталом, центром и периферией, церковью и государством, а также городом и деревней.⁵ Однако ориентироваться в многомерном пространстве непросто даже профессиональным политикам, а для рядового избирателя эта задача представляется непосильной. Поэтому в обиходе публичного дискурса по-прежнему востребована метафорика одномерного или, максимум, двухмерного пространства. Иногда предпринимаются попытки вывести одномерное пространство из сложного многообразия реального мира путём статистического анализа распределения установок респондентов в опросах общественного мнения или взаимосвязанности позиций, выраженных в партийных программах и декларациях. Так М. Гэбел и Дж. Хабер с помощью факторного анализа сводят 56 проблемных измерений, встречающихся в

---

⁵ *Lipset S., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments. An Introduction. / Party Systems and Voter Alignments. Cross-National Perspectives.- New York: Free Press, 1967, P.1-64.*

политической коммуникации демократических стран всё к тому же правому континууму.⁶

Представляется, что на практике всё не настолько сложно. Как показали С. Бартолини и П. Мэйр, политические размежевания в европейских демократиях XIX – XX веков базируются на трёх взаимосвязанных основаниях: 1) социально-структурном, подразумевающим наличие групповых и классовых конфликтов, 2) нормативном, опирающемся на ценности и убеждения, поддерживающие идентичность групп, вовлечённых в конфликт, 3) организационном, требующем наличия партий, отстаивающих интересы конфликтующих групп).⁷ Очевидно, что социально-структурный и организационный факторы как раз и являются фильтрами, пропускающими в социальную повестку дня только относительно небольшое количество ценностей.

В рамках этой логики может даже возникнуть вопрос о том, существуют ли в принципе ценности, определяющие политическое поведение? В современной России широко распространена стихийно-циничная точка зрения, согласно которой вся политика представляет собой не более, чем борьбу за материальные ресурсы, где апелляция к ценностям – всего лишь прикрытие. Этот взгляд, опирающийся как на многообразный житейский опыт, так и на постмарксистскую теорию идеологии, всё же упускает из виду важное обстоятельство. Долгосрочное отстаивание даже вполне меркантильных интересов неизбежно предполагает использование ценностного языка, иначе для решения любой вновь возникшей задачи пришлось бы с нуля формировать политические организации, вербовать

---

⁶ *Gabel M., Huber J.* Putting Parties in their Place: Inferring Party Left–Right Ideological Positions from Party Manifestos Data. // *American Journal of Political Science*, Jan 2000, Vol.44, Issue 1, P. 94–103.

⁷ *Bartolini S., Mair P.* Identity, Competition, and Electoral Availability: The Stability of European Electorates: 1885-1985. - Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 215.

сторонников и объяснять, что именно они получают в обмен на свою поддержку. Тем самым, политические ценности представляют собой не какие-то абстрактные и оторванные от реальной жизни понятия, а просто наиболее общие и стабильные установки.⁸ Они вырабатываются в непосредственном опыте и употребляемые для решения практических задач. Но это, конечно, не отменяет того обстоятельства, что ценности могут также некритически усваиваться новыми поколениями в процессе социализации.

Вообще говоря, политическая мобилизация, требующаяся противостоящим коалициям, может строиться и на основании понятных прагматических интересов, переходящих иногда в клиентельные отношения. В России наиболее очевидным примером мобилизации этого типа является политическая стратегия, согласно которой кандидаты и партии обещают повысить пенсии после своей победы на выборах, и стараются подкупить в ходе предвыборной кампании актив ветеранских организаций. При этом нет достаточных оснований характеризовать политиков, прибегающих к данной стратегии, как социалистов или левых. Однако, клиентельные стратегии хорошо работают только в локальном контексте, а в условиях свободных конкурентных выборов с участием миллионов избирателей их эффективность по техническим причинам снижается.

Даже предпринимателям, выступающим за снижение налогов, гораздо удобнее создавать политические организации, выступающие за свободу экономики от излишнего государственного регулирования, а не протестующие против повышения отдельно взятого налога. Иначе такую организацию не поддержат даже те бизнесмены, чьи интересы не затронуты в данный момент. Соответственно, для формирования коалиции, способной

---

⁸ *Feldman S. Values, Ideology, and Structure of Political Attitudes. / Oxford Handbook of Political Psychology. - New York: Oxford University Press, 2003. P. 477-508.*

добиться успеха в конфликте, требуются проводить полноценную PR - кампанию. Политики этим занимались всегда, даже в те далёкие времена, когда сам термин ещё не придумали. Но PR – кампания в условиях конфликта проводится по вполне чётким канонам, в число которых обязательно входит и упоминание общих позитивных ценностей.

Выясняется, что нужно не просто выдвигать требования, а формулировать развёрнутую аргументацию, и говорить не только о нарушении собственных прав, но и апеллировать к идее общего блага. Необходимо, чтобы при упоминании кампании в памяти всплывали ассоциации из серии «борьба добра со злом», а не «конфликт хозяйствующих субъектов». Наиболее подходящая для определения данной ситуации понятийная рамка (фрейм) появляется сама в ходе процесса поиска союзников. Союзники находятся в первую очередь среди тех, кто оказался в похожей ситуации. У них уже есть наработанные формулы (защита свободы, сохранность культурного наследия, защита экологической среды, обеспечение равноправия и т.п.). Предпочтительно, чтобы формула была позитивной, и указывала на цель, а не на противника (борьба «за», а не борьба «против»). Указание противника может повредить, поскольку заранее исключит из числа возможных союзников всех, кто каким-либо образом может ассоциировать себя с этим противником, даже если противник описывается в заведомо негативных терминах (бездушные бюрократы, хищнический бизнес, криминальные группировки и т.п.). Понимаемый таким образом фрейминг непосредственно соотносится с формированием идеологии.⁹

---

⁹ *Snow D., Benford R. Clarifying the Relationship between Framing and Ideology. / Frames of protest: social movements and the framing perspective. / Edited by Hank Johnston and John A. Noakes. – New York.: Rowman & Littlefield, 2005, P. 205-212.*

Политики вынуждены апеллировать к различным ценностям, таким как свобода, справедливость, равенство, традиция, порядок, ответственность и т.п. Кроме того, нельзя забывать, что среди политиков немало тех, для кого ценности и идеалы – не просто инструмент политической коммуникации, а важнейший стимул, побудивший их войти в политический мир. Таким образом, мы видим, что динамика политического процесса может рассматриваться с помощью метафорического ценностного пространства, даже, несмотря на то, что ценности оказывают реальное воздействие далеко не на всех участников политической борьбы. Во всяком случае, за два века конкурентной демократической политики более удобная модель предложена не была.

Стабилизация партийных систем в развитых демократических странах Европы и Северной Америки по окончании Второй мировой войны явилась причиной трансформации идеологических оснований политических конфликтов на основе ценностной комбинаторики. В стабильных конкурентных демократиях, естественным образом, формируется двухмерное идеологическое пространство.

Политика, как сфера организованного создания и разрешения конфликтов, включающая politics и policy, создаёт всего две бинарных оппозиции, институционального и когнитивного порядка, соответственно. Основное институциональное противостояние в конкурентных демократиях существует в сфере politics – это противостояние между властью и оппозицией. В идеально-типической ситуации может существовать всего 2 партии: партия, контролирующая государственную власть и реализующая некий курс, и партия, критикующая власть, которая в будущем сможет предложить и реализовать собственный альтернативный политический курс. На практике, конечно же, власть может осуществляться на коалиционной

основе, а оппозиционные организации разного рода могут предлагать почти неограниченный набор альтернатив. Но контроль над государством наделяет правящую партию столь огромными финансовыми, организационными и информационными ресурсами, что оппозиционные организации вынуждены сотрудничать между собой и координировать действия, создавая коалицию, способную выступить против правящей партии единым фронтом. Поэтому в двухпартийных системах партии по своим идейным и организационным характеристикам, зачастую, напоминают коалиции.¹⁰ Следовательно, в условиях конкурентной политики стихийно формируется дуополия или олигополия.

Когнитивная структура второй бинарной оппозиции связана с тем, что интерес к политике рядового избирателя ограничен. В идеально типической ситуации избиратель имеет определённое представление только о тех вариантах политических курсов, последствия реализации которых он лично испытал на себе. Как правило, речь идёт, о курсе нынешней правящей партии и прошлой правящей партии. В условиях стабилизации конкурентных демократий формируется всего лишь 2 лагеря, представители которых периодически сменяют друг друга у власти. Один из этих лагерей получает название «левых», а второй «правых». Все попытки выделить выявить у концептов политического «правого» и «левого» имманентное содержательное ядро, являются, по нашему мнению, неоправданной абсолютизацией европейской практики XIX –XX веков.¹¹ На наш взгляд, содержание же правой и левой политики может быть каким угодно, периодически случаются инверсии, когда вчерашние левые получают ярлык «правых» и наоборот. Это, в частности, произошло в России в начале 90-х

---

¹⁰ *Riker W.* The Theory of Political Coalitions. - New Haven: Yale University Press, 1962.

¹¹ См. *Bobbio N.* Left and Right: The Significance of a Political Distinction. – Chicago: University of Chicago Press, 1996.

Гончаров В.Э. Социодинамический потенциал идеологических пространств. // Учёные записки. Том 16. Социокультурные коммуникации. - СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2012, С.18-31.

годов XX века.¹² В большинстве стандартных ситуаций и практическому политику и рядовому гражданину для удовлетворительной ориентации в политическом процессе достаточно представлять основное направление политических действий всего двух политических коалиций: той, которая пребывает у власти в настоящий момент, и той, которая с наибольшей вероятностью может взять под контроль власть в ближайшем будущем.

Для нас имеет значение то обстоятельство, что ценностное пространство, в отличие от пространства борьбы за власть, многомерно. Группы политических активистов, воодушевлённые стремлением воплотить в жизнь вдохновляющую их ценность (свобода, справедливость, нация, порядок, экология, прогресс, традиция и т.п.), при вхождении в мир практической политики, вынуждены вступать в коалиции, как с приверженцами иных ценностей, так и с вполне прагматично настроенными представителями групп интересов, для которых обозначающие ценности слова представляют пустой, хотя иногда и полезный, набор звуков. Поэтому коалиции, реально претендующие на власть, обычно апеллируют более, чем к одной ценности.

Одномерное институциональное политическое пространство, пересекаясь с многомерным ценностно-конфликтным пространством, образует маломерное идеологическое пространство. В данном пространстве противоборствующие коалиции прочно связаны с одной или двумя ценностями. Эта связь и носит название идеологии.

Именно эта ценностная комбинаторика может порождать довольно любопытные и малоизученные последствия. Ввиду того, что количество

---

¹² *Evans G., Whitefield St. The Evolution of Left and Right in Post-Soviet Russia. // Europe-Asia Studies, September 1998, Vol. 50, No. 6, P.1023-1042.*

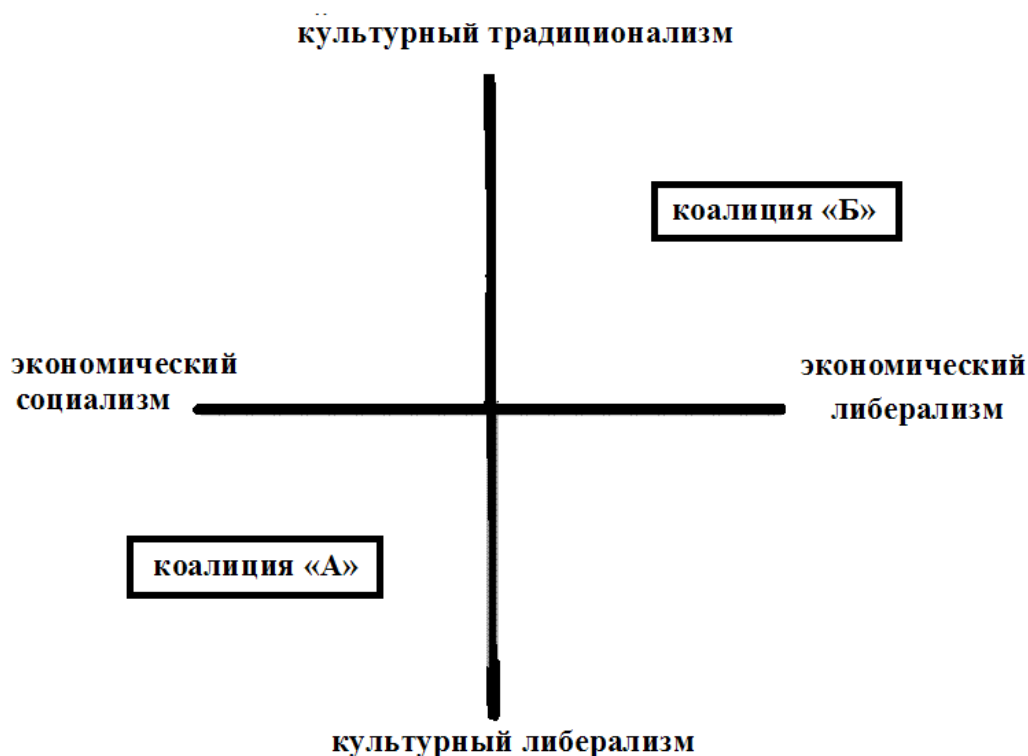
фирм (коалиций, называемых партиями), предлагающих услуги на политическом рынке невелико, избирателю приходится выбирать из предложенных сборных вариантов, как покупателю в советском магазине приходилось брать в нагрузку к банке дефицитного сгущённого молока две банки кильки в томатном соусе. Так в США приверженцы либертарианских идей нередко сетуют, что им нет смысла выбирать между демократами и республиканцами. «Да, у нас есть полномочия каждые четыре года или около того увольнять одних пройдох и ставить на их место новых. Однако... предлагаемые в избирательном бюллетене варианты мало чем отличаются друг от друга... В реальном мире один кандидат предлагает более высокие налоги, легализацию абортов и прекращение войны во Вьетнаме; другой обещает сбалансированный бюджет, молитву в школе и эскалацию войны. А что, если вы хотите сбалансированный бюджет и уход из Вьетнама? На рынке у вас масса альтернатив, в политической жизни вы вынуждены выбирать из искусственно ограниченного числа вариантов».¹³

Если оставить в стороне специфику американской политической системы, то мы можем получить модель, в которой особенности идеологического пространства объясняют интенсивность социально-политической динамики. Предположим, что на политическом рынке некой вымышленной страны (назовём её Политией) присутствует всего 2 коалиции, каждая из которых предлагает избирателям стабильный месседж, базирующийся на двух различных, взаимно не обусловленных ценностях. Допустим, первая коалиция (коалиция «А») включает в месседж умеренный социализм и культурный либерализм. Вторая коалиция (коалиция «Б») предлагает набор из экономического либерализма и культурного традиционализма. (схема 1).

---

¹³ Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика. – Челябинск: Социум, Cato Institute, 2004, С.214-215.

Схема 1. Двухмерное ценностно-идеологическое пространство в Политии.

Упаковки меседжей от выборов к выборам меняются, но сами меседжи не претерпевают существенных изменений. В Политии существуют высокие институциональные и культурные барьеры, препятствующие выходу на политический рынок новых коалиций, предлагающих избирателям альтернативные наборы политических ценностей.

Допустим также, что в этой стране более высокой популярностью у избирателей пользуются ценности умеренного социализма и культурного традиционализма. Но это довольно шаткое большинство. К примеру, 30% граждан тверды в своих предпочтениях социализма, ещё 30%, скорее, предпочитают социализм, а у экономического либерализма обнаруживается 20% твёрдых и столько же не особенно стойких приверженцев. Аналогичный

Гончаров В.Э. Социодинамический потенциал идеологических пространств. // Учёные записки.

Том 16. Социокультурные коммуникации. - СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2012, С.18-31.

расклад (30% - 30% - 20%-20%) даёт нам и сопоставление притягательности культурного традиционализма и культурного либерализма. При этом, что особенно важно, среди высоко идеологизированных избирателей преобладают те, кто предпочитает комбинации, предлагаемые конкурирующими коалициями. Иначе говоря, в этой мифической стране каждая из коалиций опирается примерно на 20% избирателей, предпочитающих набор из социализма в смеси с культурным либерализмом (коалиция «А») или набор из экономического либерализма в сочетании с культурным традиционализмом. Эта ситуация может объясняться набором социальных и исторических предпосылок, который для нашего анализа не имеет существенного значения. Так или иначе, каждая из коалиций опирается на свой ядерный высоко идеологизированный электорат и в период избирательной кампании пытается переманить на свою сторону колеблющихся избирателей, для которых идеологические приоритеты отступают на второй план в сравнении с оценкой управленческой эффективности действующей власти или привлекательностью личного имиджа кандидатов, возглавляющих конкурирующие коалиции.

Отличительной особенностью политического процесса в Политии будет являться острота политической конкуренции. В каждый данный момент времени каждая коалиция будет находиться в меньшинстве по одному из важных для избирателей ценностных противостояний. Но, очевидно, что в центре внимания избирателей и средств массовой информации находится та коалиция, которая в данный момент контролирует государственную власть. Таким образом, правящей коалиции в данной стране всегда будет угрожать дамоклов меч негативной кампании, мобилизующей против неё ситуативное ценностное большинство. Понятно, что эта негативная кампания будет иметь большой успех в том случае, когда против правящей партии будут работать дополнительные факторы, такие как

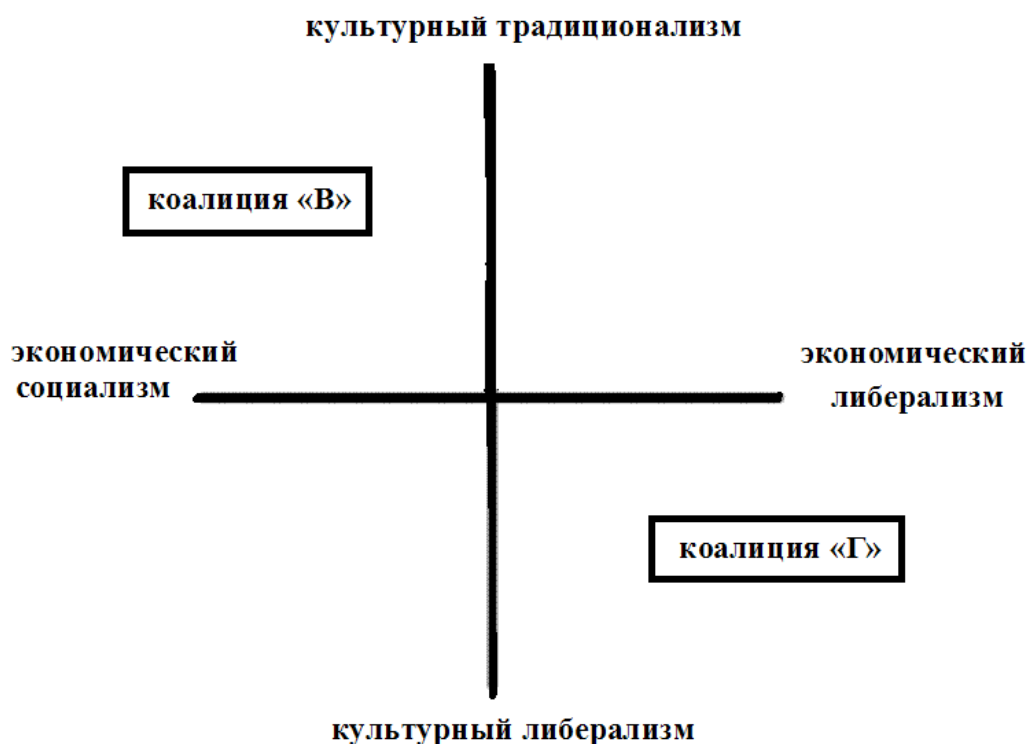
Гончаров В.Э. Социодинамический потенциал идеологических пространств. // Учёные записки.

Том 16. Социокультурные коммуникации. - СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2012, С.18-31.

психологическая усталость избирателей, или экономический кризис. Но описанная конфигурация идеологического пространства заметно ускорит сменяемость партий у власти при сохранении стабильности политической системы в целом. Во всяком случае, правящей партии в Политии будет значительно трудней заручиться массовой поддержкой граждан в том случае, если она попытается узурпировать власть.

Теперь рассмотрим второй случай. Допустим в аналогичном двухмерном ценностно-идеологическом пространстве при том же распределении ценностных приоритетов избирателей одна из коалиций (коалиция «В») предлагает набор из экономического социализма и культурного традиционализма, а вторая (коалиция «Г») отстаивает экономический либерализм в комплекте с культурным либерализмом (схема 2).

Схема 2. Двухмерное ценностно-идеологическое пространство в Сатрапии.

В этой вымышленной стране (в дальнейшем будем называть её Сатрапией) при сохранении демократических процедур коалиции всё равно будут сменяться у власти. Даже коалиция «В», опирающаяся на заведомо более высокий уровень поддержки той части избирателей, для которой ценности имеют значение, не сможет устоять в условиях масштабного социально-экономического кризиса. Здесь вступит в силу логика рационального выбора, согласно которой для выхода из кризиса избирателям необходимо в первую очередь наказать партию, допустившую кризис, и отстранить её от власти. Возможны и другие ситуации, когда поддержка этой «естественной правящей коалиции» будет снижаться.

Но, если коалиция «В» на пике собственной популярности попытается узурпировать власть (к примеру, ограничив независимость СМИ, или изменив в свою пользу выборное законодательство), то её шансы на успех будут существенно выше, поскольку способность оппозиционной коалиции к

мобилизации сторонников будет ограничена. У коалиции «Г» в Сатрапии в принципе будет совсем немного твёрдых приверженцев. Однако, парадоксальным образом, коалиция «Г», оказавшись у власти после нескольких десятилетий пребывания в оппозиции, также будет иметь серьёзную мотивацию для узурпации власти. Её лидеры будут всерьёз опасаться описанного выше сценария, а сторонники будут полагать, что их ценности невозможно обеспечить демократическим путём, поскольку население Сатрапии в большинстве своём не способно оценить их привлекательность.

Допустим, впрочем, что ни одна из коалиций не пойдёт на прямое сворачивание демократических процедур. В этом случае коалиция «В» будет пребывать у власти значительно дольше противостоящей ей коалиции «Г». Тем самым, частота сменяемости партий у власти в Сатрапии будет существенно ниже, чем в Политии.

Вопрос о том, для чего нужна сменяемость власти, заслуживает отдельного рассмотрения. В истории политической мысли этот вопрос привлекал внимание многих теоретиков задолго до наступления эпохи конкурентной демократии. К примеру, основоположник теории политических технологий Никколо Макиавелли считал, что каждый новый правитель всегда оказывается хуже старого,¹⁴ а славянофил Алексей Хомяков, полушутя вывел закономерность, что в России плохие цари всегда чередуются с хорошими.¹⁵

В XX веке встал в практическую плоскость вопрос о желательной периодичности сменяемости выборных должностных лиц. Сроки

---

¹⁴ *Макиавелли Н.* Государь / Пер. с ит. Г. Муравьевой, Р. Хлодовского. – СПб.: Азбука, 2002. С. 35.

¹⁵ *Эйдельман Н.* «Революция сверху» в России. - М., 1989. С. 114.

полномочий парламентов и президентов указываются в конституциях государств, и укладываются в развитых демократических странах в диапазон от 4 до 7 лет, за исключением нижней палаты Конгресса США, переизбираемой каждые 2 года. Аргументы, приводимые в полемике о желательном сроке полномочий избранных политиков, обычно сводятся к тому, что у избранников народа должно быть достаточно времени для выполнения предвыборных обещаний, но не настолько много, чтобы почивать на лаврах после победы.¹⁶

Впрочем, периодическое проведение конкурентных выборов ещё не является гарантией реальной сменяемости персонального состава органов власти. Для обеспечения этой гарантии в середине XX века в конституционное право был внедрён прямой запрет для лиц, занимавших определённый выборный пост в течение некоторого срока, вновь претендовать на занятие этого поста. В 1947 году двадцать вторая поправка к конституции США установила, что ни одно лицо не должно быть избрано на пост президента более двух раз, после чего аналогичные ограничения появились в законодательстве нескольких десятков других демократических стран. Тем самым, принцип необходимости периодической смены руководителей государства вошёл в политическую практику и был обоснован в качестве меры против чрезмерной концентрации власти в одних руках.

Но эти ограничения напрямую не затрагивали вопрос о сменяемости политического курса, реализуемого избранными лидерами, или, переходя в институциональную плоскость, проблему сменяемости правящих партий. Подходя формально, невозможно доказать, что партия, которая побеждает на

---

¹⁶ *Petracca A., Smith P.* How frequent is frequent enough? An appraisal of the four-year term for House members. // *Congress & the Presidency*, Spring 1990, Vol. 17. Issue 1. P. 45-64.

периодически проводимых конкурентных выборах в течение 40 лет, хуже справляется с решением управленческих задач, чем 2 партии, сменяющие друг друга у власти.

Однако, с нашей точки зрения, сменяемость партий, руководствующихся различными ценностными приоритетами, даёт возможность для ускорения социальной динамики. Партии, берущие в свои руки бразды правления после периода пребывания в оппозиции, чаще стремятся изменить правила игры (социальные институты) таким образом, чтобы удовлетворить запросы тех слоёв общества, которые наиболее активно выражали недовольство прежней властью. Как гласит один из известных афоризмов М. Монтеня: «Я очень хорошо знаю, от чего бегу, но не знаю, чего ищу».¹⁷ Демократия, в действительности, позволяет сменить управленческий курс, который, по мнению значительного числа граждан, является неудачным.

Регулярная смена партий у власти позволяет разрабатывать и опробовать на практике новые управленческие стратегии, корректируя решения, оказавшиеся неудачными с точки зрения значительной группы избирателей. Этот механизм как раз и представляет собой невидимую руку политического рынка, способствующую прогрессу общественных отношений. Социальный прогресс здесь мы будем понимать в сугубо утилитаристском смысле, как изменения, улучшающие субъективно оцениваемое положение большинства членов общества. Базовая предпосылка модели идеологической детерминации социально-политической динамики состоит в том, что сменяемость власти способствует накоплению опытного массива осуществления различных управленческих решений. Социальное

---

¹⁷ Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том 3. Пер. с фр. - М.: Голос, 1992, С.222.

время – это феномен, связанный с изменением существенных условий человеческой жизни в обществе. Несомненно, что технологический прогресс, уже сам по себе, меняет эти условия. Но различные формы и правила организации социального взаимодействия (социальные институты) могут ускорять или замедлять социальное время, блокируя технологический прогресс, или содействуя ему. Глядя на политический процесс конкурентной демократии извне, мы можем увидеть довольно любопытный механизм, в котором колесо социального прогресса соединено с качелями политической борьбы. Две партии поочерёдно взлетают вверх на политических качелях, а энергия их борьбы, передающаяся по механизму идеологической трансмиссии, вращает колесо. Очевидно, что заклинивание качелей приводит и к остановке колеса.

Перед нами своеобразный вечный идеологический двигатель. Идеологии, комбинирующие интересы и ценности социальных групп, а затем связывающие их воедино с карьерными устремлениями профессиональных политиков, соединяют две составляющих мира политики (борьбу за власть и принятие управленческих решений) в единое целое. При этом КПД двигателя зависит от конфигурации идеологического пространства. Эффективное идеологическое пространство не даёт институционально соединиться патерналистским и традиционалистским ценностям, блокирующим социальный прогресс, а также препятствует успеху радикальных течений, способных разорвать целостность политического сообщества. Тем самым обеспечивается относительно плавное и равномерное движение колеса социального времени. Неэффективная структура идеологического пространства, конечно, не может остановить социальный и технологический прогресс в принципе. Но в таком пространстве прогресс движется рывками, напоминая перекачивание тяжёлой квадратной тумбы по

наклонной плоскости. Здесь кратковременные периоды радикальных реформ будут перемежаться долгими эпохами социального застоя.

До сих пор идеологические пространства формировались стихийно, под воздействием огромного количества культурных и институциональных факторов. Теперь пришла пора заняться их целенаправленным конструированием, иначе говоря, идеологической инженерией.